УДК 811.161.1'373 **Е. В. Бувалец**

СУБСТАНТИВНЫЕ БИНОМЫ В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

О. В. БУВАЛЕЦЬ СУБСТАНТИВНІ БІНОМИ У ПОЕЗІЇ Й. МАНДЕЛЬШТАМА

У статті розглядаються особливості функціонування субстантивних біномів як морфосинтаксичних одиниць поетичного тексту в ідіостилі Йосипа Мандельштама. Досліджуються зображальні можливості субстантивних біномів у представленому ідіостилі. Розглядається, як специфіка поетичного ідіостилю розкривається субстантивними біномами.

Ключові слова: субстантивні біноми, морфосинтаксичні одиниці, поетичний текст, ідіостиль, Йосип Мандельштам.

Е. В. БУВАЛЕЦ СУБСТАНТИВНЫЕ БИНОМЫ В ПОЭЗИИ И. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье рассматриваются особенности функционирования субстантивных биномов как морфосинтаксических единиц поэтического текста в идиостиле Осипа Мандельштама. Исследуются выразительные возможности субстантивных биномов в представленном идиостиле. Рассматривается, как специфика поэтического идиостиля раскрывается субстантивными биномами.

Ключевые слова: субстантивные биномы, морфосинтаксические единицы, поэтический текст, идиостиль, Осип Мандельштам.

YELENA BUVALETS. SUBSTANTIVAL BINOMIALS IN O. MANDELSHTAM'S POETICS

The article deals with peculiarities of functioning of substantival binomials as morphosyntactic units of poetic text in O. Mandelshtam's individual style. Substantival binomials expressiveness in the present individual style is researched. It is considered how specifity of the poetic individual style is revealed by substantival binomials. The aim of the article is to describe peculiarities of substantival binomials functioning in O. Mandelshtam's individual style. The poet focuses on using substantival binomials denoting an object and an attribute. The main images rendered in O. Mandelshtam's poetry architecture, time and vocable images. Poetic world model is closely connected with so called 'social architecture' which implies a special way of space ranking. The world itself is represented as 'home' and 'cathedral'. The time image is one of the central images in O. Mandelshtam's poetics is rendered with key substantival binomials 'век-властелин', 'век-волкодав' and 'век-зверь'. The vocable is actualized in different individual hyphened constructions. The components are combined on the basis of sounds made by speech organs.

Key words: substantival binomials, morphosyntactic units, poetic text, individual style, O. Mandelshtam.

Поэтический текст является сферой реализации экспрессивно-выразительных возможностей языковых единиц разных уровней. Достаточно частотно в стихотворной речи XX века представлены дефиснооформленные морфосинтаксические единицы «существительное – существительное», именуемые нами субстантивными биномами (СБ), например, *соловей-разбойник, лампа-жизнь, хлеб-соль, родина-чужбина, платок-ширинка.* Основную часть субстантивных биномов составляют сочетания, в которых один из компонентов выполняет роль определителя по отношению ко второму компоненту. Определяющий компонент сочетания в синтаксической науке традиционно именуется приложением – определением, выраженным именем существительным: *взгляды-**присоски**, **крошка**-домик, январь-**волшебник**.* Приложение в составе субстантивного бинома выполняет роль образного или необразного эпитета (***крошка**-звонарик, борец-**удалец**; сосед-**литературовед**, наездница-**бельгийка***), либо объекта сравнения в составе сравнительно-метафорической конструкции (***кружево**-словцо, ум-**кузнечик***).

Изучение выразительного потенциала субстантивных биномов, функционирующих в поэтическом тексте, включает в себя не только исследование экспрессивных возможностей биномов как морфосинтаксических единиц поэтического текста, но и рассмотрение их функционирования в идиостилевом аспекте.

Идиостиль отображает авторский выбор существующего в языке набора тех или иных

© Е. В. Бувалец, 2015

языковых средств и способы их комбинирования для выражения определенного смысла: «кроме словаря, индивидуальность речи в большей мере зависит также от манеры в пределах допускаемого правилами, действующими для данного языка, обращаться к тем, а не иным синтаксическим конструкциям» [3, с. 70]. Использование СБ в некоторых индивидуально-авторских поэтических системах выделяется на общем фоне поэзии XX века. В данном аспекте выделяем идиостиль Осипа Мандельштама, в котором СБ не опираются на фольклорную традицию употребления (как в большинстве поэтических идиостилей, например, в идиостилях Н. Клюева и М. Цветаевой), а используются как грамматическая форма, позволяющая передать сложное восприятие объекта посредством называния ведущего и дополнительного признака. Субстантивные биномы Мандельштама резко отличаются от субстантивных биномов других авторов XX века.

«Может быть, раньше всех это устремление послереволюционной действительности к классике, это зеркальное преломление времен, когда прошлое, под которым резко подведена черта, кажется наступающим из будущего, – почувствовал О. Мандельштам, один из наиболее классически ориентированных поэтов советской эпохи» [18, с. 83]. Мандельштам, по мнению И. Бродского, является «поэтом формы в самом высоком смысле слова» [2, с. 194]. Состояние своей «“качающейся”, “маятниковой противоречивости”», выливающейся в его творчестве «в темы двойника и двойничества, также уходящие своими корнями в древние мировые культуры с их принципом двоичных противоположностей» [6, с. 310], поэт трансформирует в парное соединение субстантивов.

Некоторые проблемы функционирования субстантивных биномов в поэтическом тексте XX века и в отдельных идиостилях рассматривались в линвопоэтических исследованиях В. П. Григорьева, И. И. Ковтуновой, О. Г. Ревзиной, Л. В. Зубовой, Н. А. Кожевниковой, Е. А. Некрасовой, Н. Н. Ивановой и других. Однако функционированию субстантивных биномов в отдельных идиостилях в современном лингвистическом описании не уделяется должного внимания. Несмотря на достаточное количество исследований, посвященных поэтике О. Мандельштама (Б. А. Успенского, М. Л. Гаспарова, С. С. Аверинцева, Е. Глазовой, Л. Г. Пановой, Е. А. Скоробогатовой, А. Горбуновой, В. Н. Топорова и др. исследователей) субстантивные биномы в его идиостиле до сих пор не являлись предметом специального изучения.

Целью данной статьи является описание особенностей функционирования субстантивных биномов в идиостиле О. Мандельштама. Мы ставим перед собой задачу не только рассмотреть специфику функционирования субстантивных биномов в выбранном идиостиле, но и рассмотреть, как специфика поэтического идиостиля раскрывается в использовании субстантивных сочетаний.

Субстантивные биномы в поэзии Мандельштама создают неповторимые образы, являющиеся способом «попробовать на вкус, ощущать, чувствовать, видеть языковое пространство» [6, с. 23]. Для творчества Мандельштама в целом характерно преобладание эпитетов и «нехарактерна метафора, реализующаяся при отсутствии прямой номинации объекта» [9,с. 7]. Эта особенность проявляется и в СБ. Наблюдаем количественное преобладание сочетаний с эпитетами над сочетаниями с метафорой-сравнением. При помощи определяющего элемента (приложения) передаются необразные характеристики определенных предметов, объектов, явлений, выраженных стержневым компонентом сочетания (*друзья-**островитяне**, **немец**-офицер, кружка-**жестянка**, юноша-**погодка**, старушка-**переводчица***), образные, эмоциональные характеристики, выступающие в роли эпитета (*соперница-**злодейка**, музыка-**голуба**, студенты-**шелапуты***), указывается на родо-видовые отношения между главным и зависимым компонентом сочетания (***крестовик**-паук, грибы-**волнушки**, автомобиль-**грузовик***). Двойные субстантивные конструкции (ДСК) такого типа выделяют главные признаки. Будучи освобожденной от лишних деталей, «субстанция последовательно очищается от случайных признаков» [9, с. 9]. Определяющие элементы ДСК, выступающие в роли сравнений-метафор, составляют менее частотную группу субстантивных сочетаний, например, ***луковицы**-стекла, луч-**паучок**, люди-**птицы**, лодочки-**гамаки**, афиши-**голубки***.

Общая направленность поэзии Мандельштама «на апостериорное упорядочение денотатов путем редукции их к какому-либо одному признаку» [9, с. 9] проявляется в употреблении одних и тех же определителей с разными денотатами: *улица-**красавица**, зима-**красавица**, курицы-**красавицы**, **красавицы**-графини*; *плуг-**исполин**, собор-**исполин***; *Чердынь-**голуба**, музыка-**голуба***.

В поэзии О. Мандельштама «определение часто относится именно к контексту, а не к предмету, который оно определяет» [7, с. 40]. Наблюдаем данную закономерность и при определении-субстантиве:

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный ***луч-паучок,***
Распуская *на ребра, их сызнова*
Собирает в единый пучок.

(О. Мандельштам. «Может быть, это точка безумия…» [11, с. 259]

Для идиостиля Мандельштама нехарактерно употребление устойчивых ДСК фольклорного типа. Нами зафиксировано единичное сочетание фольклорного типа *гуси-лебеди,* употребляющееся со сложной отсылкой к фольклорному тексту:

Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой
на молоко с ***буддийской синевой,***
Проводишь взглядом барабан турецкий,
Когда обратно он на красных дрогах
Несется вскачь с гражданских похорон,
И встретишь ***воз с поклажей из подушек***
И скажешь: ***гуси-лебеди, домой!***

(О. Мандельштам. «Отрывки из уничтоженных стихов») [11, с. 169]

Гуси-лебеди в данном отрывке имеют не прямое соотношение с фольклором, а опосредованное. Компоненты данного субстантивного бинома в своей совокупности обозначают не только птиц, способных перенести в иной мир, но и птиц, которые могут перенести из мертвой действительности к истинной жизни. Мертвое состояние птиц передано сочетанием *воз с поклажей из подушек,* которое обозначает подушки, сделанные из перьев птиц. *Гуси-лебеди, домой!* отсылает к известной детской игре.

Некоторые СБ, функционирующие в поэзии Мандельштама, передают предметные образы-мотивы, которые «развертываясь в бесчисленных вариациях, взаимно дополняя друг друга и перетекая один в другой, складываются в образную инфраструктуру, в конфигурациях которой просматриваются очертания философских и идеологических воззрений автора» [4, с. 24]. К ним относим образ архитектуры, времени и звучащего слова.

Важное место в поэзии Мандельштама занимает **архитектура**, «художественный космос Мандельштама в своей многоярусности подобен зданию» [1, с. 34]. Сам поэт «употребляет своеобразный термин “социальная архитектура”, а человеческое общество воспринимается поэтом как “архитектурный лес”» [8, с. 85]. Родная страна воспринимается им как замкнутое, изолированное пространство:

И в бой меня ведут понятные слова –
За оборону жизни, оборону
Страны-земли*, где смерть уснет, как днем сова…*
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.

(О. Мандельштам. «Обороняет сон мою донскую сонь…») [10, с. 270]

С одной стороны, мир ограничивается огромной страной, выбраться из которой при тоталитарном режиме представляется маловозможным, с другой стороны, родная земля, родной дом и есть вся «изменяющаяся Вселенная» [6, с. 111].

Образ вечного города, воплощенный в субстантивном сочетании *Рим-****человек,*** подчеркнуто антропоморфизируется. Город предстает в виде человека со всеми присущими ему физиологическими и духовными свойствами:

И ***морщинистых*** *лестниц уступки*
В площадь льющихся лестничных рек, –
Чтоб ***звучали шаги, как поступки,***
Поднял медленный ***Рим-человек****…*

(О. Мандельштам. «Рим») [10, с. 281]

Данному образу присущ «психофизиологический компонент» (термин В. Н. Топорова), преобразуемый переживаниями «собственного тела, его ощущений, радостей, страданий, потребностей или, при изменении ракурса, жизнь, отражаемая и фиксируемая на телесном уровне» [16, с. 429].

Уникальным является образ *Киева-**Вия***, созданный автором под впечатлением от пребывания в этом городе. Объединение топонима и имени мифо-литературного персонажа *Вий* создает образ загадочного города и связан с поэтикой Н. Гоголя.

Образ Москвы, выступающий в поэзии Мандельштама как двойственный образ, «сочетая в себе темную, злую, пьяную смутой, “разбойную” сторону и сторону нежную, “дивную”» [6, с. 344-345], в субстантивных сочетаниях охарактеризован негативно:

*Нет, **не спрятаться мне от великой муры***
*За **извозчичью спину-Москву** –*
*Я трамвайная вишенка **страшной поры***
*И **не знаю – зачем я живу.***

(О. Мандельштам. «Нет, не спрятаться мне от великой муры…») [11, с. 165]

В данном отрывке Москва представлена как «отталкивающая, “разбойная”, злая, “чужая”, “хитрая”, “рабская”» [6: 346]. Негативное отношение передается и другими СБ с пейоративной оценкой: ***курва**-Москва*, ***разбойник**-Кремль*.

Некоторые сочетания отображают тесноту окружающего пространства города: *улицы-**пролазы**, дворец-**скворешник***. Но и свобода пространства воспринимается как нечто чуждое, не свое:

Когда показывают восемь
*Часы **собора-исполина**,*
Мы в полусне твой призрак носим,
Чужого города картина.

(О. Мандельштам. «Когда показывают восемь…») [10, с. 328]

Собор в идиостиле Мандельштама является воплощением мира, его устройства, и в данном поэтическом отрывке часы отражают течение мирового времени. Саму поэзию Мандельштам воспринимает «как сотворение мира-собора (стихотворения или тела стихотворения), создающегося из слов-камней. Этот мир-собор не знает смерти: он вещественен, но, тем не менее, вечен…» [6, с. 58].

Соположение нескольких СБ и рядов существительных в рамках одной строфы создает картину городского пространства:

Подновлены мелком или белком
*Фисташковые **улицы-пролазы**,*
***Балкон-наклон**, **подкова**, **конь-балкон**,*
Дубки, чинары, медленные вязы.

(О. Мандельштам. «Еще он помнит башмаков износ…») [11, с. 249]

Употребление номинативных рядов, представленных в данном поэтическом отрывке, «ослабляет конструктивные связи синтаксических единиц и усиливает в тексте их ассоциативные связи» [12, с. 42], что способствует созданию общего плана описания внутригородского пространства. Образ обширного городского пространства создается чередованием плюральных (*Фисташковые улицы-пролазы; Дубки, чинары, медленные вязы*) и сингулярного (*Балкон-наклон, подкова, конь-балкон*) рядов, в составе которых есть субстантивные и адъективные определители: «Плюральный ряд часто создает семантику общности, смыслового единства, в противоположность сингулярному ряду, который достаточно часто подчеркивает отдельность, разнородность перечисляемых предметов» [15, с. 107].

Урбанистическое пространство показано при помощи других сочетаний, описывающих неотъемлемые атрибуты города: ***купальщики**-заводы*, *улица-**красавица***, *купальни-бумагопрядильни*, *автомобиль-**грузовик***, ***друзья**-автомобили*, *трамвай-**горемыка***.

Носителем исторической модели **времени**, времени, показанного «через призму истории и исторических событий» [14, с. 90], в поэзии Мандельштама является *век.* Он служит определяемым словом в СБ *век-**властелин*** и *век-**волкодав***. Переломные исторические события на пересечении двух столетий представляются поэтом в виде *века-**зверя***:

***Век мой**, **зверь мой**, кто сумеет*
Заглянуть в твои зрачки
*и своею **кровью склеит***
***Двух столетий позвонки**?*

(О. Мандельштам. «Век») [11, с. 102]

Разрозненные позвонки *века-зверя*, представляющие «конфликт двух противоположных реальностей, в которых приходится существовать не одному Мандельштаму» [6, с. 373], может соединить кровь, воплощающая жизненную силу: ***Кровь-строительница*** *хлещет / Горлом из земных вещей…* [11, с. 102].

На смену *веку-**зверю*** приходит могущественный *век-**властелин***, которому неизбежно приходится подчиняться: ***Век.*** *Известковый слой в крови больного сына / Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь, / И* ***некуда бежать от века-властелина****…* [11, с. 111].

Время репрессий Мандельштам характеризует как *век-**волкодав***, с которым у поэта нет ничего общего:

Мне ***на плечи кидается век-волкодав,***
Но ***не волк я по крови своей****…*
(О. Мандельштам. «За гремучую доблесть грядущих веков…») [11, с. 162]

Представленные в поэзии Мандельштама образы века связаны с личностным восприятием поэтом событий, очевидцем и непосредственным участником которых он был: «Личная память, память “я” неотличима от памяти “века”, представленного характерными для него материальными приметами, а последние, в свою очередь, неотделимы от чувственных ощущений, посредством которых они передаются» [13, с. 62]. Образы раненого *века-**зверя,*** всемогущего *века-**властелина*** и беспощадного *века-**волкодава*** отображают ощущение постепенного усиления тоталитарного режима и ограничения в нем творческого и жизненного пространства поэта.

Циклически повторяющийся временной отрезок суток – ночь в поэзии Мандельштама представляется как союзник темных и злых сил и антипод светлого времени суток: *ночь-**коршунница**, **врагиня**-ночь*.

Для поэта, стихотворение которого «начинается звуком, “звучащим слепком формы”, как он сам называл его» [2, с. 194], первичным является **звучание**, содержание – вторично, поэт ищет смысл в «непосредственности артикулированного слова, в его звуке» [13, с. 62]. Поэтому такие понятия, как *слово, звук, речь, голос, язык, музыка* связываются с различного рода индивидуально-авторскими субстантивными определителями: *слово-**колобок**, **утопленница**-речь, звук-**первенец**, голос-**птица**, язык-**медведь**, музыка-**голуба***. Фонетическая близость слов в поэзии Мандельштама нередко становится основой смыслового сближения, «смысл возникает для него лишь вместе с фонической артикуляцией» [13, с. 73]. Например:

Язык-медведь *ворочается глухо*
В ***пещере рта****. И так от псалмопевца*
До Ленина: чтоб ***нёбо*** *стало* ***небом,***
Чтоб ***губы*** *перетрескались, как розовая глина,*
Еще, еще…
(О. Мандельштам. «Отрывки из уничтоженных стихов») [11, с. 170]

В данном отрывке *язык,* в составе СБ сравниваемый по своей неповоротливости с медведем, сополагается с другими частями артикуляционного аппарата – *ртом, нёбом, губами.* Соединение близких по звучанию слов *нёбо* и *небо* «становится оправданным и осмысленным» [17, с. 322], данный прием является характерным для Мандельштама. *Язык-медведь* сопоставим с медведем, живущим *в пещере рта*. Образ сдавленного голоса, пересохшего горла, представленный в данном отрывке, связан с мотивом «поэтического дыхания» [4, с. 24], с невозможностью высказать то, что хочется: «“Губы” поэта, его гортань, его легкие, пересохшие и покрытые пылью, тем самым обретают физическую осязаемость. Чередование поэтического творчества и необходимых пауз, вызываемых приступами удушья, ставит поэта в один ряд с растением, пробивающимся из-под земли, и с почвой, постоянно проходящей через циклы разрушения / обновления» [4, с. 31]: *Чтоб* ***губы*** *перетрескались,* ***как розовая глина****…*

В следующем поэтическом фрагменте элементы ДСК *слово-колобок* объединены звуковым сходством гласной и связаны с визуальным представлением круга:

Словно хлебные Софии
С херувимского стола
Круглым *жаром налитые*
Подымают ***купола.***

Чтобы силой или лаской
Чудный выманить припек,

Время *– царственный подпасок –*
Ловит ***слово-колобок.***
(О. Мандельштам. «Как растет хлебов опара…») [10, с. 166]

Данная субстантивная конструкция *слово-колобок* объединена общим гласным ***о,*** предполагающим непрекращающееся движение поэтического слова во времени и в пространстве *(время ловит* ***слово-колобок****, подымают* ***купола****)*. Округлость гласного поддерживается лексемами с семантикой круга, окружности – ***круглый*** *жар,* ***купола,*** а также ***хлеб*** и ***стол,*** которые, кроме прямоугольной формы, также часто имеют круглую форму. Круговая символика отображает циклическую модель времени и «представляет все происходящее в мире как круговорот – в череде и смене одних событий другими, происходящими в заданном порядке» [14, с. 81]. Данное субстантивное сочетание отражает сущность работы поэта над стихом: он «не подчиняет слово, а подчиняется слову» [5, с. 35], субстантивное сочетание передает движение слова, которое «перелетает с предмета на предмет, в нем остается только звук, но звук, говорящий сознанию» [5, с. 31].

Соединенные существительные в поэзии О. Мандельштама используются как особый, достаточно редкий прием, что требует особого внимания к анализу каждого конкретного случая. Мандельштам «с его неоклассическим чувством оформленности вещей» [18, с. 89] нетипично, по сравнению с другими поэтами с их ориентацией на фольклорную семантику, использует субстантивные сочетания. Поэт в употреблении субстантивных биномов ориентируется на использование субстантивных сочетаний как выразителей предмета и признака. Практически отсутствуют субстантивные биномы с семантико-синтаксическими отношениями равноправия. К основным образам, передаваемым при помощи ДСК, причисляем образы архитектуры, времени и звучащего слова. Поэтическая модель мира Осипа Мандельштама, тесно связанная с архитектурой как особым способом упорядочения пространства, представляет для него «своего рода обживание, одомашнивание безудержного пространства и времени, преображение мира в “дом” и “храм”» [1, с. 34]. Образ времени передан сочетаниями *век-властелин, век-волкодав* и *век-зверь,* ставшими прецедентными в русской литературе образами и формулами, используемыми поэтами XX-XXI веков. Образ звучащего слова, свойственный поэтике Мандельштама, реализован различного рода индивидуально-авторскими сочетаниями, в которых компоненты объединяются на основании ассоциаций передаваемого органами речи звука.

Перспективой исследования является исследование субстантивных биномов в других поэтических идиостилях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беренштейн Е. П. «Я говорю за всех с такою силой…» Мир поэзии Осипа Мандельштама / Е. П. Беренштейн // Литература в школе. Научно-методический журнал. – 1991. – № 6. – С. 31-45.

2. Бродский И. Сын цивилизации (Перевод с английского Дмитрия Чекалова) / Иосиф Бродский // Звезда. – 1989. – № 8. – Ленинград : Худ. лит-ра, Ленингр. отделение. – С. 188-194.

3. Булаховский Л. А. О слоге как предмете изучения (Стилистика как отдел поэтики и как отдел языкознания) / Л. А. Булаховский // Русский язык в школе. – 2013. – № 12. – С. 69-74.

4. Гаспаров Б. Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934-1937 / Борис Гаспаров // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. – 2003. – № 63. – С. 24-38.

5. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама. / М. Л. Гаспаров // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Вступит. ст. М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца. – СПб. : Академический проект, 1997. – С. 5-64.

6. Глазова Е. «Подсказано Дантом». О поэтике и поэзии Мандельштама / Елена Глазова, Марина Глазова. – К. : Дух і літера, 2011. – 724 с.

7. Григораш А. М. Индивидуально-авторские метафорические словосочетания в поэзии О. Э. Мандельштама / А. М. Григораш // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2007. – № 1. – С. 37-41.

8. Касьяненко Н. Е. Концепт «Рим» как принадлежность индивидуального топонимического фрейма в поэтической картине мира О. Мандельштама / Н. Е. Касьяненко // Логос ономастики. – 2009. – № 1(3). – С. 84-89.

9. Лазебник Ю. С. Образы мира: Пастернак и Мандельштам / Ю. С. Лазебник // Русская филология. Украинский вестник. Республиканский научно-методический журнал. – 1994. – № 1. – С. 7-9.

10. Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений / Осип Эмильевич Мандельштам. – СПб. : Гуманитарное агенство «Академический проект», 1997. – 719 с.

11. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х т. Т.1. / Осип Эмильевич Мандельштам. – М. : ТЕРРА, 1991. – 684 с.

12. Николина Н. А. Номинативные предложения в композиции поэтического текста / Н. А. Николина // Поэтическая грамматика. Том II. – М. : ООО Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 38-56.

13. Павлов Е. «Тем звучащим слепком формы…»: опыт Мандельштама / Евгений Павлов // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. – 2003. – № 63. – С. 59-82.

14. Панова Л. Г. Модели времени в поэзии Мандельштама (1908 – 1937 г.г.) / Л. Г. Панова // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). – М.: «Азбуковник», 2001. – С. 78-96.

15. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков : НТМТ, 2012. – 480 с.

16. Топоров В. Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф. ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 428-445.

17. Успенский Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама / Б. А. Успенский // Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с. – С. 291-330.

18. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX веков / Михаил Наумович Эпштейн. – М. : Сов. писатель, 1988. ─ 416 с.